№ 3 (16). Воскресенье, 7.1. 1945 г.

„Wolja Naroda" („Der Volkswille")

ВОЛЯ НАРОДА

Цена: 20 пф.
Preis: 20 Pfg.
Год издания I-й
1. Jahrgang

ОРГАН КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Berlin C 2,
Magazinstraße 15-16.

Долгие тысячу лет складывались устои нашей жизни, создавалась безбрежная даль и бездонная глубина народного мировоззрения, формировался народный характер.

В тяжелых битвах с врагом и в междоусобицах, в борьбе с мачехой-природой и в вечных поисках правды и справедливости на земле народная мудрость и народное сердце совместно создавали узор наших взаимоотношений, неповторимый уклад нашего быта, суровость будней труда и борьбы, нетленную, но и по-земному радостную, красоту наших праздников.

Несложными, но вечно юными и вечно зовущими были идеалы за эти тысячу лет жизни — справедливость и теплота человеческих отношений, чтобы «человек человеку, как брат, был».

Вечной спутницей на этом, уводящем в светлую даль, пути — и в борьбе, и в труде, и в радости была с нами вера — вера в Бога и вера в человека.

За эти тысячу лет религия вросла в наш быт. И трудно сейчас различить, что от религии и что от быта в чарующих наш слух словах — русская жизнь.

Что от религии, и что от быта в рождественских святках, празднике детства и юности, когда по-особенному, по-рождественски хрустит под ногами снег, а вчерашняя простая ель становится празднично сказочной ёлкой?

Что от религии, а что от быта в пасхальной заутрене, когда по-особенному, не так, как вчера, мерцают далекие звезды, а в тихом безветрии теплятся огоньки свечей около церковной ограды, и в глазах каждого — веселый весенний радостный праздник?

Сегодня мы празднуем Рождество. В бараках и казармах, на передовой линии фронта и у фабричных станков, но и там и тут — под чужим небом и на чужой земле.

Сегодня будет острее боль по Родине, вспомнится детство, семья, ласковые морщинки около материнских глаз и непривычно, по-праздничному, как-то особенно близкий отец, вспомнятся братья и сестры.

Сегодня не будем спрашивать друг друга: веруешь или не веруешь? Сегодня просто вспомним тех, одна мысль о ком наполняет грудь светлой, теплой волной радости.

Друзья! Поздравляем и приветствуем вас старыми, как наша жизнь, но каждый год новыми словами!

С Рождеством Христовым!

Редакция газеты поздравляет всех наших соотечественников с праздником Рождества Христова.

Ночь под Рождество

Всего три слова — ночь под Рождество —,
Казалось бы, вмещается в них много ль?
А в них и Римский-Корсаков и Гоголь,
И на земле небесное божество.

В них снег хрустящий и голубоватый,
И безалаберных веселых ног
На нем следы у занесенной хаты
И святочный девичий хохоток.

Но в них же и сиянье Вифлеема,
И свежесть пальм, и духота песка . . .
О, сказка из трех слов, ты всем близка,
И в этих трех словах твоих — поэма!

Игорь Северянин

Из архипастырских посланий

Тяжелы и скорбны дни нашей жизни, но в сумраке их нам особенно ярко светит Вифлеемская звезда, предвещающая восход Солнца Правды — Христа. Она ведет нас, как некогда волхвов, к Нему, нашему Спасителю и Утешителю, Которого не перестанет искать наша душа.

Да будет благословен для нас и ныне этот торжественный праздник, неистощимый в своей благодати, всегда вещающий нам о том, что со Христом родилась для нас новая жизнь, чуждая греха, исполненная мира, любви, взаимного благоволения между людьми и небесного блаженства.

Непререкаемое доказательство полной несостоятельности безрелигиозного и бездуховного построения жизни дает нам большевизм с его коммунистическим опытом, произведенным на Русской Земле.

Мы надеемся, что уже грядущий год принесет с собою светлый и радостный день свободы для нашей дорогой Отчизны, с которой спадут, наконец, внешние оковы. Никакая тирания не может быть долговечной, ибо она противна Божеским и человеческим законам и простому здравому смыслу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА РУБЕЖОМ
Митрополит **Анастасий**

*

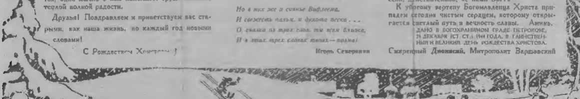
Под тяжестью несчастий войны, во время непосильной борьбы за право жить, без радостных переживаний, серыми буднями проходит жизнь человека. Среди этой суеты, при обилии всевозможных бедствий и взаимной неприязни, приходит великий Праздник, от которого нас не могут оторвать ни бомбардировки, ни рабство машинам, ни взаимная вражда. Приходит Праздник, который приостанавливает все законы земли и открывает пред нами радостный путь в Царство Неба, — туда, откуда пришел к нам Свет миру. Ибо со времени Рождества Христова мы уже не рабы земли, мы — сыны Божии, мы дышим радостью нашего возвеличения на высоту избранных детей нашего Всещедрого Творца.

Сегодня мы чувствуем, что рабство земли не страшно, ибо «с нами Бог». Сегодня мы забываем о нашей рабской неприязни и раздорах. «Кого же будем бояться», если мы все братья, и если, действительно, «с нами Бог?»

К убогому вертепу Богомладенца Христа припадем сегодня чистым сердцем, которому открывается светлый путь в вечность славы. Аминь.

ДАНО В БОГОХРАНИМОМ ГРАДЕ ПЕТРОКОВЕ, 25 ДЕКАБРЯ (СТ. СТ.) 1944 ГОДА, В ТАИНСТВЕННЫЯ И ВЕЛИКИЯ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Смиренный **Дионисий**, Митрополит Варшавский



РОЖДЕСТВО

Подавляющая часть советской молодежи была лишена той светлой, чистой радости, которая каждый год приходила когда-то к их отцам и матерям вместе с праздниками Рождества Христова. Жаль, — много хорошего, незабываемого связано с торжественными рождественскими днями.

Сочельник. Скрипит под полозьями саней накатанная снежная дорога к церкви. Стоят по бокам деревья в своем серебряном уборе. Тихий морозный вечер. Горящими снежинками кажутся разбросанные кем-то по небу звезды.

В церкви светло и торжественно. Пахнет ладаном и воском от сотен горящих перед иконами свечей. Радостно поет хор, из-за спин молящихся видно сверкающее облачение седого священника.

А дома? Как прекрасна украшенная зажженная елка, как навсегда становится памятным и дорогим запах случайно загоревшейся хвои, как вкусен ужин с обязательной кутьей, рыбой, простыми, но такими запоминающимися на всю жизнь сластями!

За всем этим внешним смутно, но, вместе с тем, несомненно открывалась какая-то большая внутренняя красота, сила многовековой традиции, правда духовного причащения к

добру, к идеалу. Как бы ни смеялись над этой правдой большевики, она незримо продолжала жить в сердцах людей. Неслучайно, когда с «елки» был снят запрет, снова в большинстве семей возродился этот красивый обычай.

Да не посмеется никто из русских людей над этим таинством, над освященным временем обычаем рождественской елки. Тысячи лет тому назад в Индии и Бирме существовал подобный обычай украшать зеленое дерево дарами, которые радовали людей. Уже тогда с этим обычаем связывали люди свои светлые представления. В эпоху христианства украшенное дерево с зажженными на нем огнями приобрело еще более глубокий, проникновенный смысл. Внешняя нарядность и красота рождественской елки как бы символизируют для верующих великую радость рождения нового, неземного мира, становления в их сердцах идеального царства света, добра и всепрощения.

Для всех, чувствующих кровную связь с европейской культурой, с высшими достижениями человеческого духа, за последние девятнадцать веков праздник Рождества Христова представляет собою знамение глубочайшей связи людей и народов, строивших и продолжающих строить эту культуру, это духовное идеальное царство. Ведь даже большевики, глумившиеся над христианством и отрицавшие самый факт исторического существования Христа, ведут летоисчисление от «Рождества Христова», или, как они говорят, от «начала нашей эры». Но разве случайно наша эра открыта вместе с рождением христианства?

Весь крестный и, вместе с тем, гордый путь, пройденный народами Европы, с тех давних пор, когда, по преданию, Вифлеемская звезда привела волхвов к колыбели Младенца, отмечен торжеством христианской идеи. Марксисты любят презрительно называть христианство «религией рабов». Но разве в названии дело? И не предельно ли убедительно, что вера, захватившая умы и сердца беднейших и бесправнейших, связанная с образом слабого Младенца, лежащего в яслях, победила, в конечном счете, культы богатых и знатных, сильных и могущественных. Вникнем в действительное историческое значение этого факта, и мы поймем всю лженаучность и примитивность исторического материализма, подчиняющего человеческий дух стихийному процессу экономических отношений.

Скрываясь в катакомбах от преследования языческой светской власти, ранние христиане представляли себе Христа в образе «доброго пастыря», молодого прекрасного пастуха, несущего на своих раменах агнёнка. Только последующее развитие христианства, ставшего господствующей религией, дало примеры мрачного аскетизма, создало теорию умерщвления греховной плоти и т. д.

На протяжении многих веков менялись способы и методы постижения человечеством той мудрости, которая запечатлена в немногих, сравнительно, страницах Евангелия. Но с каждым поколением человечество все более и более расширяло свой религиозный и просто нравственный опыт, духовно росло и мужало. В XIII—XV в.в. в Италии вновь расцветает религиозный гуманизм, приобщающий нас к раннему христианству, связанному с красотой античности, но озаряющему ее новым светом. Данте и Петрарка, Джотто и Чимабуэ — не только великие поэты и художники, но и глубоко-религиозные мыслители. Любвеобильная проповедь Франциска Ассизского, благословившего плоть природы и человека, отражается в лучших достижениях раннего итальянского Возрождения. Большевики всячески искажали и замалчивали то обстоятельство, что высочайшие достижения эпохи Возрождения покоятся на глубокой христианской основе. Данте издевается над римской курией, и, вместе с тем, его поэма проникнута религиозным мистицизмом. Рафаэль в образе Мадонны изображает свою возлюбленную, и, вместе с тем, в оболочке телесного он умеет представить красоту высоко-идеального. Его «Мадонна Литта», например, при всей своей человечности, исполнена просветленного религиозного чувства.

А последующие века, отмеченные «Фаустом» Гёте и симфониями Бетховена, классической немецкой философией, огромным прогрессом естественных и точных наук, — разве не дышит в них тот же пафос христианской культуры, несмотря на французских материалистов и марксизм, несмотря даже на компрометирующую нередко христианство роль господствующей церкви?

На протяжении чуть ли не тысячелетней истории Руси, со времени Крещения, мы также непрерывно во все эпохи и периоды сталкиваемся с ролью христианства, предстающего перед нашим народом в своеобразной и лучшей форме православия. Вся русская история, вся наша национальная культура нерасторжимо связаны с христианством, с православием. Монастыри на Руси были центрами культуры, науки и искусства. За их стенами мужала молодая русская государственность. Татарское иго оказалось свергнутым нашим народом, в первую очередь, потому, что русские, как христиане, ощущали свое превосходство над захватчиками. Церковь дала своих мучеников в борьбе с Золотой Ордой и оказала сильную поддержку великому освободительному делу Дмитрия Донского.

Нравственные понятия и весь духовный уклад старинной русской жизни сложились под непосредственным влиянием православия. Через культуру монастырей приобщался наш народ к высокой византийской, и, вместе с тем, к античной культуре. Это видно как в литературе старинной Руси, так и в изобразительном искусстве, представленном долгое время исключительно жанром иконописи и миниатюр в рукописных книгах. Духом православия проникнуто искусство великого русского живописца Андрея Рублева и его последователей, создавших замечательные произведения нашего национального Возрождения XVI века. История нашей национальной музыки также имеет своим истоком церковь.

И так было не только в стародавние времена. XIX-й век, явившийся золотым веком национальной культуры, также показывает, что основу этой культуры представляет христианство, пусть хотя бы не в его узко догматическом, а широком мировоззренческом аспекте. Это проявляется и в религиозной образности наших лучших поэтов, начиная с А. С. Пушкина, и в новом расцвете религиозной музыки (Бортнянский, Гречанинов), и в создании новой национальной философии в теснейшей связи с учением православной церкви (Хомяков, Киреевский). И, наконец, два гения нашей литературы — Лев Толстой и Федор Достоевский — просто не могут быть поняты без учета своеобразного христианства первого из них и ярко выраженного ортодоксального православия второго. Равным образом, и наиболее своеобразные системы и искания русской философии в конце прошлого и в нашем веке оказываются в орбите религиозного мировоззрения (от Вл. Соловьева до Лосского и Карсавина).

Вся европейская культура, так или иначе, в той или другой связи обручена с христианством. Для нас христианство это не только религия, оно претворено в светской литературе, в искусстве, музыке. Оно формировало общественную и частную жизнь поколений, вело на подвиг и голгофы. Лучшие воспоминания нашего национального прошлого озарены идеями православия. Полководцы и ратники, философы и государственные мужи, пророки и простой народ жили и творили жизнь, осеняя себя крестным знаменьем, ощущая всем существом, что Русь сильна своей крепкой верой, своими святыми идеалами.

И теперь, в тяжелый час нашей национальной истории неслучайно в сердцах многих из нас возрождаются начала религии или, по крайней мере, того идеалистического перспективного мировоззрения, которое так тесно и органично с нею связано. И в день Светлого Рождества Христова особенно хочется верить, что скоро наступит время, когда над обломками большевизма вновь расцветут возрожденная национальная государственность и культура, восходящая к великой правде, открытой человечеству 1944 года тому назад. Разве не за это боремся все мы, находящиеся временно в зарубежье, хотя, может быть, и не всегда точно осознаем последнюю святую правду нашей борьбы? Разве не за эту правду готовимся мы шагать в строю Освободительного Движения Народов России?

Дм. Рудин

КОМИТЕТУ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

В связи с Новым Годом, призываем Божие Благословение на труды Комитета Освобождения Народов России и молим Всемилостивого Бога, чтобы этот год был началом для нас новой жизни на нашей дорогой Родине, освобожденной от большевизма.

Председатель Собора Епископов Белоруссии Митрополит Пантелеймон.

Венедикт — архиепископ Гродненский и Белостокский.

Стефан — епископ Смоленский и Брянский.

Григорий — епископ Гомельский и Мозырский.

Свет истины

— Папка! — весело воскликнула Ната, вбегая в кабинет Александра Николаевича, — поздравь меня. Я теперь твоя конкурентка.

Александр Николаевич водрузил на нос кривое пенсне и юмористически оглядел дочь.

— Нуте-с?

— Райком комсомола поручил мне сделать под Рождество на ткацкой фабрике антирелигиозный доклад.

— Т-а-а-к, — насмешливо протянул Александр Николаевич, — понимаю. Вам угодно, мисс, чтобы папаша составил для вас тезисы, конспектик или, еще лучше, черновичек, а вы по готовенькому прочтете и пожнете лавры. Отличная конкуренция!

— Ничего подобного! — возмутилась Ната, — правда, в райкоме мне сказали: «у тебя папаша спец по антирелигиозным вопросам, тебе легко будет доклад сварганить». Но я, папка, совсем не желаю пользоваться твоими конспектами и черновиками. Твои, папка, антирелигиозные доклады, прости меня за откровенность, убийственно скучны. По-интеллигентски скучны. А я хочу свой доклад построить так, чтобы он вызвал взрыв негодования, возмущения у публики, чтобы слушатели сразу бы прониклись ненавистью к попам и религии. Ведь среди ткачих еще много верующих, так вот я хочу, чтобы...

— Они в полчаса сделались бы воинствующими безбожниками? — засмеялся Александр Николаевич. — О, молодость, молодежь!

— Ну да! — топнула ногой Ната. — А потому извольте, синьор, дать мне необходимую литературу, а уж доклад я буду составлять самостоятельно.

Александр Николаевич раскрыл книжный шкаф и вытащил несколько тощих книжонок.

— Мало, папка, — мотнула каштановой головой Ната, — мне нужно первоисточник. Дай мне ту лицемерную книгу, которую называют «Евангелием».

— Евангелие? Дать тебе Евангелие? — растерялся Александр Николаевич.

— Ну, конечно. Чтобы разбить врага, нужно его изучить, как сказал какой-то авторитет.

— Не советовал бы тебе читать эту книгу, а, впрочем, как хочешь.

Александр Николаевич покачал головою, стал на стул и начал шарить на верхней полке.

— Вот, — протянул он запыленную книгу в синем бархатном переплете с вытесненным золотым крестом.

— Батюшки! — насмешливо воскликнула Ната, раскрыв Евангелие, — да тут на заглавном листе написано какое-то трогательное стихотворение:

«Пусть эта книга священная
Трудный твой путь озарит» ...

— Кто написал такую ерунду?

— Это написала твоя мать, Ната, — опустил голову Александр Николаевич. — Она мне подарила эту книгу в день нашей свадьбы...

Следующие два дня Ната ходила растерянная, злая. Александру Николаевичу иногда казалось, что глаза ее заплаканы. Затем, повидимому, успокоилась. Впрочем, Александр Николаевич видел ее в последнее время очень редко. В пединституте, где он заведовал кафедрой литературы, шли зачеты перед зимними каникулами, и работы было по горло.

... После рождественского антирелигиозного доклада, который Александр Николаевич читал в порядке общественной нагрузки студентам пединститута, вернулся он домой в седьмом часу вечера. Наты не было.

— Проповедует, верно, своим ткачихам, — невесело усмехнулся он.

Сняв в передней пальто, Александр Николаевич прошел в свой кабинет, запер дверь на крючок, хотя в квартире никого не было, открыл гардероб и достал оттуда старенькую заношенную шубейку и такую же шапку. Быстро переодевшись, бросил он воровской взгляд в зеркало. Оттуда хитро подмигнул ему сморщенный старикашка, похожий на ночного сторожа.

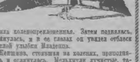
Осторожно вышел на улицу. Вечер был тихий. Легонький вкусный морозец чуть-чуть пощипывал щеки. Александр Николаевич шел, ни на кого не глядя, подняв воротник, который совершенно скрывал его лицо.

Выйдя за город, он на минуту остановился. По шоссе, ведущему к кладбищу, кучками и в одиночку шли люди, большею частью женщины, закутанные в платки. Из-за купы деревьев показалась тускло освещенная кладбищенская церковь.

Еще больше уткнув нос в воротник, прошмыгнул Александр Николаевич, прячась за спины других, в церковные двери, пробрался в дальний угол, где окруженный мерцающими свечками темнел благостный лик Богоматери с улыбающимся Младенцем на руках.

Александр Николаевич огляделся по сторонам. В знакомом уголке было пусто. Только возле образа Богородицы с Младенцем стояла коленопреклоненная женщина ... Что-то рокотал диаконский бас, перекликаясь с хором. Сладостные звуки церковного пения то замолкали, то рвались ввысь.

Светлые воспоминания незаметно охватили Александра Николаевича. Двадцать пять лет тому назад здесь же, возле иконы Богоматери, он впервые увидел свою Аню. Она вот так же



стояла коленопреклоненная. Затем поднялась, оглянулась, и в ее глазах он увидел отблеск светлой улыбки Младенца.

Женщина, стоявшая на коленях, приподнялась и оглянулась. Мелькнули лучистые, такие знакомые глаза.

— Что это? — хрипло воскликнул Александр Николаевич и схватился за сердце.

— Папа, — услышал он взволнованный шопот Наты, — ты здесь?

— Ты здесь? — бессильным эхом отозвался Александр Николаевич. — Разве ты не на фабрике?

— Нет, я не пошла на фабрику, папа, — мотнула головкой Ната, и в ее глазах Александр Николаевич увидел тот же отблеск, как двадцать пять лет назад в глазах Ани.

— Я не пойду. Ту книгу... я прочла двенадцать раз... И вот...

Ан. Нурский

Встреча

рассказ Виталия Рогиди

Сырой, нудно хныкающий парижский ноябрь.

Мы вдвоем спускались по бульвару Сен-Мишель от Сорбонны к Сене.

Мой спутник — болгарин, пользовался случаем поговорить на родном языке и без умолку тянул свои бесконечные ряды согласных, кое-где разделенных между собой полунемым «ъ», глухим «е» и твердым «а».

Возле железной решетки старинной церкви аббатства Клюни, там, где широкий поток шуршащих автомобилей пересекает бульвар Сен Жермен, дребезжащий звонок семафора для пешеходов прервал человеческую ленту. Толпа на несколько минут сгрудилась бесформенной массой на тротуаре.

Вдруг, позади меня, послышалась звонкая русская речь.

— Смотри, Петрусь, какая огромная разница..., Не хочется верить, до чего эволюционировался наш язык...

— Тише, Наташа, они могут услышать...

Я оглянулся. Не было никаких сомнений — невдалеке от нас, сдавленные толпой, стояли советские студенты — девушка и молодой человек. У него — немного сдвинутый набок галстук и неловко надетая новая фетровая шляпа, у нее — каракулевая шапочка-кубанка и пальто, слегка напоминающее поддевку или бешмет.

Я выждал, когда наседающая толпа пододвинет их ко мне вплотную.

— Извините меня, — обратился я к девушке: — должен напомнить вам, что, кроме русского языка, существует много других славянских диалектов, а в частности, болгарский...

Мои слова сначала смутили ее, но через несколько мгновений она с каким-то задором воскликнула:

— Ах, так вы, все-таки, белый! — и тотчас же поправилась: — белый эмигрант?..

— А вы, значит — красная? — улыбнувшись, спросил я.

— Ни белая, ни красная, а просто — русская...

— Приятно слышать и прошу позволения познакомиться.

Снова задребезжал звонок семафора, и публика хлынула через бульвар.

Они задержались, как будто в нерешительности, соглашаться или нет на столь предосудительное знакомство. Молодой человек несколько насупился, выразив явное недовольство, но Наташа протянула руку, назвав свое имя, а затем, скосив глаза в сторону своего спутника, представила его: «Товарищ Петр», — и ему ничего не оставалось делать, как пожать мне руку. Мой болгарин, вежливо приподняв шляпу, ускорил шаги, а я остался с нечаянными знакомыми.

— Вы приехали учиться?

— Да.

— Поступили уже?

— Нет еще, надо осваивать язык, — вздохнула Наташа.

— Пустяки! — ободрил ее я и стал рассказывать, что год тому назад один из моих товарищей, подобно им обоим, испытывал волнение и страх, сможет ли осилить учебу без знания языка, а потом махнул рукой и в первый же триместр втянулся в курс.

Петрусь с большим вниманием прислушивался к моим словам и, когда я смолк, вдруг задал вопрос:

— Простите, товарищ, то-есть, господин или не знаю, как у вас здесь принято называть, так он, его, прямо, говорите, поступил и всё?...

— Не только всё, а, как у вас в Советском Союзе принято говорить, осилил на все двести процентов. Стукнул в год двухлетнюю программу и на «восьмые» сдал экзамены.

В волнении Петрусь перешел на другую сторону от меня, и посыпался ряд вопросов учебного характера. Я едва успевал удовлетворить его любопытство.

Лед растаял, и мы не заметили, как уперлись в Сен-Мишельский мост.

— Зайдем в кафе, — предложил я.

Мои спутники сразу смутились. Наташа, молча слушавшая перед тем все мои разъяснения, пришла на выручку и начала говорить, что пора домой, уже поздно, как-нибудь в следующий раз, но по ее глазам я видел, что она была бы рада, пожалуй, целую ночь слушать о нашем житье — бытье, да существует какое-то табу — безжалостное, немилосердное и жестокое.

Мне стало все понятно без слов.

— Дорогие друзья, — проговорил я: — бросим выдумки, друг друга мы не обманем. Знаю, что запрещено вам знакомиться с нами, «белобандитами»,... запрещено — под страхом немедленного возвращения в СССР и расправы. Поэтому не буду вас ни уговаривать, ни настаивать на продолжении знакомства. Прошу прощенья, что без злого умысла подвергнул вас опасности. Желаю вам успеха в науках. Всего наилучшего...

Моросил дождь. С почерневшей Сены тянуло холодным сквозняком. Белые шары уличных фонарей тщетно пытались пробить своим светом сгущающийся мрак наступившего вечера.

Вдруг позади себя я услышал торопливые шаги.

— Простите! — запыхавшись, проговорил Петрусь, поровнявшись со мной и убедившись, что это я.

Я остановился и чуть было не столкнулся с подходившей Наташей.

— Вы ошиблись... Я комсомолец — отличник и не так легко меня — торопливо начал Петрусь: — не так легко меня дискредитировать перед комсомолом и партией... За нами никакой слежки нет. Каждый и все знают, что наша партия воспитывает, а не угнетает. Если вы хотите, пойдемте хоть сейчас в самое большое кафе. Белогвардейцы... — он запнулся, сконфузившись. — Извините, я сказал по привычке... Эмиграция не в силах разложить передовой отряд партии Ленина-Сталина.

— Бросьте, Петрусь, — остановил я, дружески положив ему руку на плечо: — ни обижать вас, тем более, разлагать вас и Наташу я не собирался, а мне просто по-человечески хотелось побольше с вами, земляками, поговорить. Но вижу, какая-то неведомая сила вас удерживает от этого.

Втроем мы направились к ближайшему метро. Спускаясь по лестнице, я предложил им свой адрес. Петрусь вынул карманный блок-нот, я записал свою улицу и номер дома.

В половине декабря Париж принимал предпраздничный вид. Витрины огромных магазинов наполнились всевозможными механическими рекламами. В особенности, были интересны магазины детских игрушек. Здесь перед глазами проходящей публики разворачивались целые сцены из сказочного мира: карлики, верхом на стрекозах, совершали похищение принцесс, по ущельям, через горные потоки и леса отвозили они свою добычу в раззолоченных каретах, запряженных зелеными кузнечиками; в заколдованных замках, на лесных полянах птицы и насекомые устраивали симфонические концерты и балеты: майские жуки и «дровосеки» пиликали на скрипках и контрабасах, длинноносые дятлы аккомпанировали на барабанах, комары играли на флейтах, а стрекозы, бабочки, муравьи и светлячки танцовали менуэт и фанданго.

Перед одной из таких витрин я неожиданно натолкнулся на знакомую шапочку-кубанку Наташи. Подойти не счел удобным, но остановился. «Если узнает, — подумал я, — тогда другое дело»... Однако, она была настолько заворожена сказкой, что, буквально, не отрывала глаз от витрины. Наконец, сеанс закончился. Она обернулась в мою сторону, пристально посмотрела, вспоминая, и, улыбнувшись, направилась ко мне.

— Здравствуйте!

— Как вам понравилось?

— Да, детям — здесь раздолье! — протянула она не то с грустью, не то с завистью, но тотчас же спохватилась:

— Конечно, все это излишне, расслабляет волю, детвора становится неженками, забывает, что жизнь — суровая и беспощадная школа... Опиум, наркоз...

— Наташа, где Петрусь? — перебил ее я.

— Зубрит день и ночь.

— Вот что, давайте условимся с вами, но теперь непременно — перейдем от сказки к действительности. Вы с Петрусем в сочельник поедете вместе со мной к моим знакомым. Недалеко, совсем под Парижем. Согласны? Только помните, в общежитии скажите, что вас французы приглашают на Ревейон, в порядке смычки, что ли, или еще чего-нибудь...

В пять часов вечера, в сочельник, как условились, мы вышли из моего отеля.

— Право, нам неудобно... едем совсем к чужим.

— Какие же чужие? — Свои русские, а вы говорите — чужие. Наташа, стыдитесь...

Петрусь пытался рассуждать на тему о нелепом религиозном ритуале и пережитках феодальных отношений.

Добрались до дачного местечка. Редкие фонари мало-по-малу совершенно исчезли. Светила луна и далекие алмазы загадочных звезд.

Подошли к вилле.

— Он что, — миллионер, ваш знакомый? — спросила Наташа, когда мы позвонили. Дверь тотчас открылась. Пахнуло теплом и ослепило светом. — Нет, милая барышня, я — командир полка, перекованный в техника-мыловара! — ответил добродушный хозяин. — Милости просим!

— Ждали к первой звезде, по старинной русской традиции, а вас все нет да нет... — журила хозяйка.

Взрослые дочь и сын быстро освоились с молодыми гостями. Сразу сели за стол.

Петрусь и Наташа с некоторым любопытством, нет-нет, да и заглядывают искоса на необычную сервировку стола, где в центре на сене стояла большая миска с кутьей.

— Вам незнаком рождественский стол? — приветливо спросила хозяйка: это вот кутья, взвар, пирожки с капустой, постный борщ с маслинами, отварная рыба, а это молоко разных сортов: миндальное, ореховое, маковое...

Ужин сблизил сидящих. За столом вспоминали Россию, ее обычаи, традиции и праздничные поверия. От них перешли к традициям и приметам отдельных семейств.

— От целого к частному! — смеясь заметил хозяин.

Тем временем стол опустел, убрали посуду, появился поднос с орехами, пряниками и сластями. Все расположились поуютнее, молодежь же перешла на тахту. Дочь хозяина Лена встала и обратилась к Петрусю: — Ну, вот, вы, хотя и презираете традиции, но все же помогите в порядке одолжения мне перенести елку. Когда мы были маленькими, елку нам покупали большую, а вот выросли — и она стала маленькой.

Зажгли звезду, зажгли свечи, брызнули кое-где среди ветвей бенгальские звездочки.

Петрусь несколько раз заботливо подымался, чтобы поправить оплывавшие свечи. Наташа задумчиво всматривалась в елочные огни.

— Представьте, у меня никогда не было в детстве елки, но смотрю на нее и почему-то вспоминается дом и хочется к родным...

— Это относится тоже к елочной магии, — сказал хозяин.—Кстати, вы знаете, что украшать елку — обычай, пришедший к нам в Европу из Азии. Точнее, из Бирмы — там сохранилось древнее верование о магических северных деревьях, на которых произрастало все, что надобно человеку. Древнее верование бирманцев превратилось в предание, а затем перекочевало к нам, сделавшись нашей традицией..., но магическая сила сохранялась...

В нашей семье с рождественскими праздниками в нескольких поколениях связаны особые истории. Дед мой, будучи фельдъегерем, совершенно случайно попал в сочельник в дом моей бабки, отец три дня блуждал в Брянских лесах на охоте и полузамерзший вышел к усадьбе окружного лесничего, где и познакомился с моей матерью, а я, молодым офицером, держал пари, что попаду на сочельник к своему командиру полка в гости без приглашения, подбил нескольких приятелей и ряжеными, со звездой явились к нему. Дом был полон молодежи, приняли нас гостеприимно и там же встретился я со своей, вот, женой... Чем вам не тема для рождественских рассказов?

— Да, много больших русских писателей вдохновлялись рождественскими праздниками или, как у нас в народе называлось, святками. Жуковский, Гоголь, Пушкин, Достоевский — вздохнул старый полковник.

— Давайте гадать при помощи радио, — предложила Лена.

— А как это делается? — оживилась Наташа.

— А вот как: Чья музыка лучше других... До трех раз... Идет? Николай, — обратилась она к брату: — ты, как инженер-электрик, занимай место у радио.

— Папа, какое ты хочешь?

— Рим.

Все невольно насторожились.

Загрохотало нутро радиоаппарата, что-то взвизгнуло, зашипело и вдруг порывисто и четко прозвучали аккорды рояля. Лена почти сразу же захлопала в ладоши — Рахманинов...

— Нет! Не верим твоей музыкальной памяти.

— Я и не требую, сейчас заканчивается, убедитесь сами.

— Сейчас исполнялась... синьора Рахманинова, — проговорил голос по-итальянски.

— Ну что, убедились? — торжествовала Лена — Наташа, что вы хотите?

— Пусть будет Эйфелева башня.

— Есть! — крикнул Коля, и с первых же звуков все весело рассмеялись — передавалась ария индийского гостя из оперы «Садко» Римского-Корсакова, излюбленный мотив всего Парижа.

— Проверить, надеюсь, не будем? — обратилась ко всем Лена.

— Петрусь, ваш черед, назначайте.

— Пусть будет Лондон, — несколько конфузясь, проговорил молодой человек.

— Готово... — ответил Николай.

— Леди и джентльмены, симфоническим оркестром Королевской Филармонии будет исполнена «Звезда Вифлеемская», рождественская баллада композитора Базиля Тарабукина. Оркестром управляет автор.

Снова все радостно захлопали в ладоши. Лена закружилась по комнате: — Полная победа! Наше! Наше! Родное... иначе и не может быть... В Рождественскую ночь весь мир нуждается в чистом и хорошем творчестве:... И передают не только бесспорно могучих властелинов мировой музыки, а и малоизвестных музыкантов... Разве это не мировое признание!

— Лена, угомонись, дай послушать, сама же говоришь, малоизвестный автор... — заметила мать.

— Господа, да поймите вы — колядка! Слышите...

Щедрик, ведрик,
Дайте вареник!..

Баллада закончилась. Щелкнул радиокоммутатор. Лена успокоилась и присела на тахту.

Петрусь осторожно подвинулся к ней — Скажите, что такое звезда Вифлеемская?

Лена тотчас же вскочила и подбежала к полке с книгами: — Сейчас я вам дам лучшее, что я по этому поводу прочла из современных писателей... Иосиф Калинников... Слыхали?

Она достала толстую тетрадь и на ходу перелистывала знакомые страницы.

— Вот..., я сейчас вам прочту! — «Три волхва поклонялись ей — телом, душой и разумом — каждый по-разному, от того и нашли они Рожденного, Умершего и Воскресшего. Звезда померкла.

Только тот, кто ищет всем существом своим нераздельно телом, душою и разумом, — для того никогда не померкнет звезда Вифлеемская, и будет она всю жизнь вести сущего бессмертного... всю жизнь.»

— Вы понимаете, Петрусь? Я это выписала, потому-что считаю, что все мы обязаны относиться к России так, как к своей путеводной звезде — звезде Вифлеемской. Вот именно так принять Россию: телом, душою и разумом. И вот тогда она для нас всех во всем мире будет бессмертной...

Повидимому, слова Лены взволновали Петруся до глубины, он порывисто встал и лицо его озарилось светлой улыбкой:

— Вот это любовь к своей стране — я понимаю... Эх! А мы думали..., и я думал... И он сконфуженно сел на свое место, опустив голову.

Где-то на башне пробило три удара.

— Ого!.. Дорогие друзья! Длинный у нас сочельник... — проговорил отец: — Дети, разбирайте гостей по своим комнатам. Мне предоставили место на тахте.

В соседней комнате у Николая еще долго слышен был разговор.

Утром, когда все собрались к чаю, последними вышли Николай и Петрусь. Поздоровавшись с родными, Николай вдруг обратился к матери:

— Мама, мы с Петрусем решили, что ему необходимо переехать к нам. Надеюсь, вы с папой ничего не будете иметь против?..

О Наташе — как-нибудь в следующий раз.

Федор Донец

Рождественский вечер

Тихо, тихо светится лампада...
Жить бы нам в просторной тишине
Доброй жизнью, светлой и отрадной,
Позабыть о злости, о войне,
Позабыть усобицу и драку,
Только руку брата не забыть.
Путь наш к правде горестно оплакан;
Зло, исчезни! Правда будет жить!
Славно, крепко наши деды жили,
Широко, по-русски, от души
Славили Христа, кутью варили,
Был наш праздник звездами расшит.

На конях горячих в снежных брызгах
Всем крутым ветрам наперерез,
Мчится Русь — крылатая отчизна,
Родина сказаний и чудес.
Вновь волхвы проходят со звездою
Над Россией с именем Христа,
И у нас, как утро молодое,
Кроткая молитва на устах.
Тихо, тихо светится лампада,
Жить бы нам в священной тишине,
Мы придем с молитвою отрадной
К дорогой кормилице-стране.

Николай Лукев

I.

Есть на верхней Волге большое и на редкость живописное село Коростелево.

Я помню его еще таким, каким было оно лет двадцать пять тому назад, прежде чем коснулось его тлетворное дыхание большевистской революции.

На высоком горном волжском берегу, среди вековых берез и тополей, стояли, выстроившись в длинный ряд, зеленые и желтые, красные и коричневые домики с резными наличниками и крылечками, с живыми частоколами. В закатный тихий час, когда над рекой плыл величавый колокольный звон, когда лучи солнца, падающего за дальний лес, пылали пурпуром на стеклах изб, когда тени на траве становились сочными и лиловыми и цветные домики как-то особенно рельефно выступали в изумрудной рамке зелени, Коростелево казалось сказочным причудливым городком, соскочившим со старинной литографии.

От домиков к реке, извиваясь между зарослями тальника и ивельника, мимо стареньких бревенчатых бань, мимо серых обомшелых валунов бежали тропы. И по тропам, неспеша, плавно покачивая бедрами, брели в гору женщины с ведрами на коромыслах и останавливались отдохнуть, роняя с ведер серебристые крупные капли в траву.

II.

Предание рассказывает так:

Лет около ста тому назад или несколько больше, на землю, где стоит теперь село Коростелево, пришла неведомо откуда вдова с тремя сыновьями: Василием, Андреем и Трофимом. Никто не знал толком ни имени ее, ни звания. Одни говорили, что она дворовая костромского помещика Чумакова, отпущенная на волю за какие-то заслуги перед господами, другие, — что она беглая графа Шереметьева, имевшего в то время вотчину под Нижним. Сама она называла себя попросту: Коростелихой.

Выстроив на земле хатенку, братья оставили ее на попечение матери — высокой, сильной и очень красивой женщины, — а сами пристроились в какую-то артель и ушли с нею бурлачить. От них-то и повелось село Коростелево и славные, известные всей Волге многие поколения волжских лоцманов и капитанов. Один за другим оседали около Коростелевых новые поселенцы и тотчас же, по примеру старожилов, покидали только что отстроенные избы ради вольной жизни на реке. «Шут их разберет, — с удивлением говорили о коростелевцах хлеборобы, — ни сеют, ни жнут, а нужды не знают! Не иначе где-то под Жигулями купцов обижают».

Но коростелевцы никого не обижали. Многими десятилетиями, из поколения в поколение накапливали они свой особый капитал: знание реки. Исходив ее во времена бурлачества пешком от Астрахани до Рыбной слободы, они изучили каждый перекат, каждую отмель и быстрину. Они сплавляли первые беляны, ходили водоливами на коноводках, рулевыми на гусянах, а когда по верхней Волге, наводя своим необычайным видом ужас на прибрежных жителей, пошел первый пассажирский пароход «Император Александр II», то на палубе его возле штурвала рядом с инженером и хозяином стоял и первый лоцман — Алексей Коростелев, внук вдовы Коростелихи.

С этого именно времени, когда бурлаки и водоливы превратились в лоцманов и капитанов — и начинается расцвет села.

Лет, примерно, пять спустя после того, как на Волге появился первый пароход, в недобрую, штормовую ночь плотовод «Братья Бурмакины», проходя мимо Коростелева, выбросил густой сноп искр, попавший на соломенную крышу бани. К рассвету от старинного бурлацкого Коростелева не осталось ничего, кроме обгоревших черных труб. Когда огонь, пожрав все, что могло гореть, унялся, из толпы плачущих женщин и детей вышел белый, словно лунь, старик — Трофим Коростелев. Обернувшись лицом к Волге навстречу занимавшейся заре, он осенил себя широким крестным знамением и произнес:

— Твори, Господи, волю Свою.

И, обращаясь к женщинам, добавил:

— Ну, о чем плачете, глупые? Волга отняла, Волга и даст; отстроимся краше прежнего. Молитесь со мной...

Не прошло и двух лет, как на месте покосившихся слепых избенок выросли пестрые домики под добротными тесовыми и драночными крышами, с различными наличниками и крылечками, с живыми частоколами. Волга отняла, Волга и отдала...

Но от реки зависело не только благополучие села. Волгою определялся быт его и нравы, песни и обычаи — весь уклад его своеобразной жизни. Даже и на внешнем облике людей вольная речная жизнь оставляла отпечаток: в Коростелеве жили волжские могучие русоволосые богатыри, с широкими плечами, с острыми и дальнозоркими глазами, с крепкими мускулами сильных рук, способными уверенно держать штурвал в самый лютый шторм. В летнее мелководье, в осеннюю непогоду, в непроглядную октябрьскую темень эти руки смело проводили караваны по самым опасным перекатам, между отмелями и камнями.

Как только солнышко сгоняло с гор белые зимние одежды, как только начинала подниматься и буреть река, и речные зимние дороги очерчиваться на рыхлом льду, коростелевцы снимали с себя валенки и полушубки, обряжались в форменные кители и спешили по затонам, где стояли на зимовке их суда. Летом оставались в селе одни дети, женщины и старики. Только на зимнего Николу возвращались мужики. Они привозили наградные деньги и гостинцы: мешки сушеной рыбы и ящики астраханского кишмиша, банки икры и антоновские яблоки, казанскую сафьяновую обувь и замьянские чуйки, городецкие пряники и жигулевский мед. Зимою мужики отгребали снег от изб, рыбачили в прорубях на «ямах», бражничали и курили, но решали также сельские дела. Вслед за церковью, отстроенной в конце прошлого столетия по почину капитана Степана Трофимовича Коростелева, выстроили собственными силами здание двухклассного училища, новый мост через ручей, пожарное депо, дорогу к пристани.

Год от году богатело, ширилось и охорашивалось старое бурлацкое село, обрастая благами культуры и нисколько не утрачивая с этим своей редкой самобытности.

Но пришло время, и над Коростелевым грянул гром.

III.

Великая октябрьская социалистическая революция началась в Коростелеве вовсе не в октябре семнадцатого года, как можно заключить из ее названия, а значительно позднее.

Великая октябрьская социалистическая революция началась в Коростелеве с возвращением в село Алексея Шевякова, по прозвищу Алешка Сеченый.

Рискуя притти в противоречие с известными теориями, утверждающими, будто в каждом уголке земного шара непременно должны быть два класса враждующих между собой людей, летописец села Коростелева должен сказать, что ничего подобного он в названном селе не наблюдал. Ни о каком делении на классы коростелевцы сроду не имели представления. Даже те наглядные уроки классовой теории, которые позднее были им преподаны местными знатоками этой философии, не научили никого из жителей села видеть в своем ближнем злейшего врага лишь потому, что у того случайно оказалось парой порток побольше. Не вникая в тонкие социальные материи, автор объясняет это тем, что все жители села Коростелева уважали труд и видели в нем единственный честный источник материального благополучия. Все коростелевцы получали приблизительно одно и то же жалованье, все имели небольшой клочек земли, поэтому, чтобы достичь благословенной бедности, коростелевцу представлялся только один путь — отказаться от работы вовсе.

Именно таким путем и ухитрился обеднеть Алешка Сеченый, сын лоцмана Ивана Шевякова. В двадцать пять лет, когда сверстники его плавали уже помощниками капитанов, Алексей, вследствие нерадения и пристрастия к вину, все еще пребывал в штурвальных. Дальше этой должности он так и не пошел. Уволенный вскоре после смерти отца с товаро-пассажирского парохода «Изумруд» за пьянство на вахте и аварию, он после того за две навигации побывал еще на нескольких судах, пока не оказался списанным на берег «по чистой» — случай для Коростелева беспримерный. С этого момента жители села могли убедиться, что помимо пагубной страсти к вину, двадцатипятилетний штурвальный отличается еще и буйством. Почти еженощно он скандалил на улицах села, распевал непристойные песни, оскорблял старых людей и даже заносил руку на мать.

Это последнее обстоятельство дало оставалось тайной. Потрясенная до глубины души падением сына, вдова лоцмана Шевякова с того времени, как Алексей в средине навигации приехал в село и остался там, почти не показывалась в люди. Умная и властная эта женщина, управлявшая при жизни мужа большим домом, стремилась соблюсти достоинство даже и в унижении. Однако, и ее хватило не на долго.

Когда мрачные подвиги штурвального превзошли меру терпения коростелевцев, в дом вдовы явилась делегация стариков. Они в ультимативной форме предложили ей воздействовать на сына. Вдова выслушала их, не проронив ни слова, стоя посреди разграбленной сыном избы, прямая и властная, с горящими глазами, а когда старики, низко поклонившись ей, вышли на улицу, она, рыдающая и простоволосая, догнала их, схватила одного за фалды форменного кителя и повалилась в ноги.

— Убейте его, — лепетала она, как безумная, ползая по грязи, — убейте! На мне грех будет, не на вас! Заплачу, замолю!.. Господи, Ты видишь меня, грешную!.. Сама молю — убейте! Опозорил он меня! Измучил... Извел...

Это было накануне престольного праздника — Успенья. А вечером в праздник Алексей опять жестоко избил мать и пытался учинить дебош на улице. Тогда с десяток самых крепких мужиков поймали его среди улицы, связали и, спустив штаны, высекли розгами. На следующий день, как только Алексей вышел на улицу, мальчишки встретили его дружными криками:

— Смотри, ребята, сеченый идет! Алешка сеченый!..

Ночью загорелся дом одного из мужиков, принимавшего участие в экзекуции. Никто не сомневался, что поджег учинил Алексей. Пожар успели быстро потушить, но виновник его будто в воду канул. Прошли месяц, полгода, год, а о нем не было слышно. В селе поговорили о «Сеченом» и забыли. Надвигались события куда более серьезные и грозные.

И вот теперь, спустя пятнадцать лет, человек этот опять напомнил о себе.

IV.

... Впрочем, ничего похожего на прежнего Алешку Сеченого в приезжем не было. Тихо и незаметно в село вошел сорокалетний человек с широким, плохо выбритым лицом, пересеченным по щеке глубоким шрамом, с густою шевелюрою рыжих волос. Одет он был в сверкающую кожаную куртку и синие галифе, заправленные в сапоги. При встречах с земляками козырял по-военному, внимательно расспрашивал о том, как жили без него, но о себе не вымолвил ни слова.

— Скажи, как изменился человек, — качали головами мужики, — и не узнать...

Дом, заколоченный со смерти матери, приезжий открывать не стал, а, показав какие-то бумаги председателю Совета, занял комнатку в школе. Вскоре с ним поселилась бойкая черноглазая вдова Лукьяниха с девятилетним сыном, взятая Алексеем из соседнего села.

Так прожил он в таинственной тени, не занимая никакой определенной должности около года: что-то писал, куда-то ездил, привозил какие-то бумаги, часто совещался с председателем совета. На улицу показывался редко. Зато Лукьяниха звонко и мощно сплетничала с бабами. Через год стало известно, что в Коростелеве создана партийная организация. Помимо Алексея, в ячейку вошли: председатель сельсовета — человек чужой, приезжий, приказчик кооператива и вдова Лукьяниха. Было это именно в те дни, когда начиналась коллективизация. Зимой, лишь только возвратились мужики, совет созвал собрание. И тут впервые Алексей заговорил. Да так, что у коростелевцев дух перехватило.

Говорил он о том, что революция в Коростелеве еще не начиналась, что в быте и в сознании коростелевцев господствуют гнилые пережитки капиталистической эпохи. Происходит же это потому, что в селе засели и орудуют классовые враги.

— Теперь, когда наш красный транспорт имеет собственные кадры, мы можем покончить с враждебными элементами. Иначе вы к социализму еще тысячу лет не подойдете. Партийная организация ставит перед вами вопрос о выселении антисоветских элементов из Коростелева.

— Какое еще выселение? — ахнуло собрание. — Зачем? Куда?

— Там скажут, куда, — невозмутимо заявил докладчик. — Ваше дело решить.

— Жили, жили и вдруг — выселять! За что?

— Не жулики, не грабители...

— У нас врагов сроду в помине не было и нечего зря языком трепать. Народ рабочий...

— Рабочий, а не весь, — спокойно отпарировал докладчик и, разложив какие-то бумаги, тоном начетчика принялся перечислять. — К примеру, капитан Коростелев, Степан Трофимович. Имеет дом каменный, двухэтажный, под железной крышей, сарай, обруб, баню... До революции пожертвовал на церковь триста рублей. В настоящее время распространяет среди населения старообрядческие верования. Настроен антисоветски.

— Старик..., семьдесят лет, — крикнули с места.

— Это неважно. Так же и брат его, Коростелев, Иван Трофимович, капитан. Дом деревянный, пятистенный, сарай, обруб. Настроен, как и брат, явно антисоветски. До революции имел торговлю...

— Семячками девчонки торговали на Успенье, — подсказало собрание.

— И семячки могут служить нетрудовым доходом, — отозвался докладчик. — Селиванов, Григорий Александрович, лоцман. В первые годы революции плавал на собственной барже...

— Разве это баржа? Завозня! Пятнадцать пудов положь — ко дну пойдет!

— Всякая собственность — есть кража, баржа, тем более... Шнарев, Павел Васильевич, лоцман. Дом деревянный, пятистенный...

— Такой-то дом и у тебя есть, Алексей Иванович.

— У меня ничего нет, кроме штанов, а за отца я не ответчик...

Чтение списка продолжалось до глубокой ночи. Утром село шумело, как потревоженный улей. Без всякого уговора, словно при стихийном бедствии, коростелевцы грудью встали на защиту земляков. В Москву, в народный комиссариат водного транспорта понеслись телеграммы. Узнав об этом, Алексей собрал свои бумаги и уехал. Вернулся он через неделю и тотчас же приказал созвать собрание.

— Я прочитаю вам ответ Москвы на ваше заявление, — сказал он таким тоном, будто отчитывался в поручении. — «Народный комиссариат водного транспорта полностью доверяет действиям местных партийных органов, хорошо знающих настроения и нужды населения. Со своей стороны Народный комиссариат считает необходимым освобождение социалистического транспорта от чуждых элементов, подрывающих его работу...»

Ночью, возвращаясь в школу, Алексей столкнулся с несколькими мужиками, ожидавшими его у моста. Он остановился, вынул из кармана вороненый браунинг и, играя им, тихо сказал:

— Опять посечь хотите, земляки? Торопитесь. За старое еще не рассчитались. А за подготовку покушения — будете отвечать.

Спустя два дня в село нагрянули чекисты и увезли сразу с десяток мужиков — всех, кого Алексей успел узнать при встрече.

— Ну, как, граждане, — спрашивал на другой день общее собрание секретарь организации, — будете выселять теперь нетрудовые элементы или нет?

— Не будем! — хором отозвались потомки бурлаков, — хоть всех в тюрьму пересажай, не будем!

— Нет нашего согласия!

— Да что опять об этом толковать? Вставайте, мужики, пошли!

Коростелевцы поднялись и быстро стали покидать собрание.

— Стой! — закричал им вслед Алешка Сеченый. — Куда пошли? Контрики! Кулаки! Антисоветскую демонстрацию устроить собираетесь? Так мы устроим!

Но на него никто не обращал внимания.

— Вы та-ак, — бледнея, прохрипел он. — Тогда мы вас и спрашивать больше не будем: сами управимся...

Несколько дней в селе стояла гробовая, зловещая тишина. Алешка Сеченый опять исчез; Лукьяниха не показывала глаз. Мужчины ходили, молча, сдвинув брови, женщины — низко повязав платки.

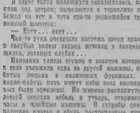
Приближались рождественские праздники. Перед Сочельником коростелевцы, как всегда, разгребли и расчистили дороги, огородили елками прорубь на реке, бабы вымыли и прибрали избы. Все это делалось как-то особенно торжественно, будто во все вкладывался какой-то тайный смысл. В праздник к обедне явилось все село, от мала до велика. Пел хор. В лучах солнца плавали голубые волны ладана. Тихо горели свечи перед ликами святых, роняя слезы воска. Пожалуй, никогда еще, даже после пожара, коростелевцы не молились так усердно и горячо, как в это солнечное, искристое утро, пожалуй, никогда не звучали такой глубокой скорбью и такой надеждой проникновенные слова в устах священника...

И вдруг толпа молящихся заколыхалась, как нива под ветром; зашелестел и торопливо побежал из уст в уста где-то родившийся тревожный шопоток:

— Едут... едут...

Чья-то рука раскрыла настежь двери храма, и голубые волны ладана исчезли в завивающихся, ледяных клубах...

Наполнив улицы шумом и рокотом моторов, в село въезжали одна за другой машины, набитые людьми в малиновых фуражках. В какие-нибудь пять минут избы всех выселяемых были оцеплены. Из широко распахнутых дверей понесли мебель и утварь, старинные часы и швейные машины. В сугробы снега полетели платье и обувь, растрепанные литографии и церковные книги. Лишь вечером нагруженные машины двинулись в обратный путь. На передней из них, среди плачущих детей и женщин, стоял, поднявшись во весь рост, семидесятилетний капитан Степан Трофи-



мович Коростелев. Когда машина поровнялась с церковью, он снял с седой головы шапку и перекрестился. Люди, стоявшие шпалерами по обеим сторонам дороги, молча поклонились ему в пояс.

Рыданиями и стоном наполнилось старинное бурлацкое село, как только последняя машина скрылась в лес.

— Уезжать надо, — твердили мужики, — доймет он нас.

— Куда уезжать? Везде одно и то же.

— Куда из деревень едут — туда и мы — в город!

— А в городе что?

— А в городе видно будет.

Однако, первые же беглецы были задержаны Советом и арестованы, как дезертиры с транспорта.

Тогда коростелевцев охватила паника. Тихо и торопливо они собирали вещи, заколачивали дома и тайно по ночам шли в ближние села. Там они нанимали лошадей и уезжали от родных волжских берегов навстречу новой неизвестной городской рабочей жизни.

V.

Примерно, года два спустя после описанных событий, мне довелось еще раз побывать в Коростелеве. От станции железной дороги до села я шел пешком один в морозный звездный вечер.

Первое, что я увидел, была разрушенная колокольня церкви. За нею в один ряд стояли заколоченные избы. Их было так много, что я не мог пересчитать; хотя час был не поздний, село было погружено в мертвую тишину и мрак. Только в одном из окон школы вызывающе горел яркий огонь. Я тихо подошел и сквозь искристую игру снежинок на стекле, как в затуманенном кривом зеркале, увидел картину, которой я долго не забуду.

Положив руки на непокрытый стол, сидел Алешка Сеченый. Он был без пиджака, в одной нижней рубахе, расстегнутой на груди. Подле него, развалившись на стуле и широко растягивая пестрые меха гармонии, сидел другой, неведомый мне человек. А посреди избы, сладостно улыбаясь, подергивая голыми плечами и потряхивая козьими грудями, непристойно отплясывала развеселая вдова Лукьяниха.

Мне показалось, что я вижу сон. Я быстро отошел и встал среди села, ошеломленный.

...Звезды над разрушенной колокольней мерцали скорбно и таинственно...

*

Я рассказал тебе, читатель, историю моего родного села, не осквернив пера ни словом вымысла.

Село это находится на Волге в Ярославской области, примерно, в тридцати верстах от Костромы.

Сколько еще таких историй известно тебе самому, читатель?..

Рассказ Виктора ЛАРИОНОВА

Старый штурман помешал кочергой угольки в камине. Взвился сноп золотых искр и осветил на миг уютную гостиную, седую голову, склонившуюся к камину, флотский старомодный сюртук с серебряным эполетом, группу рассевшейся вокруг старика молодежи обоего пола в праздничных платьях и парадных мундирчиках.

По царившей в гостиной тишине было видно, что старый штурман рассказывал нечто интересное, а молодежь устала танцовать, играть в жмурки, смеяться и «пришвартовалась» к камину.

— Плавал я на своем веку немало. Полвека прослужил Российскому императорскому флоту. Школу прошел парусную — суровую школу.

Драили нас, можно сказать, с песком — без пощады, но зато настоящих моряков воспитывали. Все почти океаны и моря исколесил, все прекрасные, сказочные города вселенной посетил.

Проходил мимо статуи Свободы и мимо златоглавой пагоды Рангуна, любовался кружевной белой Калькуттой, восхищался минаретами Стамбула и зеркалом Мраморного моря, гулял в игрушечном волшебном Нагасаки среди движущихся разноцветных фонариков. Пил терпкое греческое вино в афинских кабачках, видал знаменитых испанских красавиц в Кадиксе.

Много пережил: тонул в Скагерраке и у берегов Камчатки, не раз видел смерть перед глазами, молился не раз перед смертным часом. Сколько товарищей нашли вечный покой в чертогах царя морского — Нептуна, а я все живу, словно забытый смертью...

Старик замолчал, задумался, набил трубку, затянулся и посмотрел на угольки так, как смотрят в даль.

— А какие люди были... Какие командиры. Нет теперь таких — из славных измельчал народ.

Помню, в учебном отряде, на ревельском рейде — парусное учение: красота!.. Матросы, как белки, по реям бегают, по вантам карабкаются.

Какие повороты! — «всем вдруг..» В секунды — «паруса долой!», в три минуты не прошло опять, как по мгновению волшебного жезла, — полная оснастка.

А адмирал, командующий отрядом — здоровый детина...

Рыжие бакенбарды по ветру развиваются. Поднимется на мостик — всем жару задаст. Только и успевают набирать сигнальщики «фитили» — «адмирал выражает свое неудовольствие». А чаще, просто сложит ладони рупором и кричит. Голос адмиральский — иерихонская труба — не только по всему ревельскому рейду, но и в Екатеринентале слышен. А уж глаз! От этого глаза никуда не скроешься: ни в трюме, ни под клотиком — все заметит, все видит, что каждый матрос на рее делает. И чуть что — беда... Заметил как-то, на соседнем корабле при спуске парусов заминку и ревет уже медная глотка на весь рейд:

— Эй, на «Всаднике»... шляпа греческая!

Да не «шляпа», а хуже выразился. Так командиру — капитану 2-го ранга, из греков — Попандопуло — на всю жизнь прозвище припечатал, на всю эскадру оскандалил. Боялись, как огня, нашего адмирала, но зато нигде, ни в одном флоте в мире не было такого парусного учения, такой лихости, смелости, чистоты и порядка — как у нас...

— А приходилось ли вам встретить в жизни, что-нибудь чудесное, сверхестественное? — прозвучал из темноты девичий голосок.

Штурман улыбнулся. — Чудесное... Чудесно, ведь, все на свете, куда ни посмотришь. А разве не чудо сама вселенная?..

Много я думал о чуде под Южным Крестом в тропических морях; во льдах Гренландии, озаренных лучами северного сияния.

Но ничего сверхестественного в мире нет... Мы только наталкиваемся иной раз на то, чего мы не знаем. Нажимаем, случайно, какой-то рычаг, и происходит явление, наполняющее нашу душу суеверным страхом.

Взять, хоть, вещие сны, особенно присущие русскому народу и нашедшие даже отражение в нашей литературе.

Кто из вас не видал сна пророческого и исполнившегося?

Кто-то из молодежи пытался рассказать свой сон, но на него со всех сторон зашикали.

— Или, вот, чувства животных... Ведь они видят иногда то, чего люди и не подозревают. Когда в Ревеле внезапно умерла моя мать, я был в Петербурге и ничего не подозревал о постигшем меня горе; а маленькая собачка наша всю ночь жалобно лаяла и визжала, и никто не мог ее успокоить.

Знала, значит, что хозяйка ее где то за 300 верст умирает, а объяснить своим языком нам не могла.

Или вот еще загадочный случай уже не из жизни животных:

Приехал я как-то вечером из Кронштадта в Питер. Дома никого нет. Хожу один по пустой квартире. Делать почему-то ничего не хочется. Тихо, темно, только из окон свет уличных газовых фонарей проникает каким синеватым, мертвым отражением, да где-то в прихожей керосиновая лампа коптит.

Дождь по стеклам барабанит, изредка слышно, как конка где-то прозвонит, или подковы извозчичьей клячи по булыжникам процокают. Вдруг затрещал пол в гостиной... Да громко так, словно кто-то большой, грузный прошел. Заглянул туда — никого.

В это время в столовой треснул паркет, да как словно из пистолета выстрелил и пошло трещать — то здесь, то там.

Жутко мне стало — не по себе. Пойду, думаю, куда-нибудь где светло и много людей. Взял уже фуражку и кортик... Вдруг звонок, да резкий такой, пронзительный...

Отворяю дверь — человек стоит промокший, в плаще, протягивает мне телеграмму. От дяди — ревельского священника:

Три моих двоюродных брата утонули на Вумаласком озере: катались на лодке, опрокинулись, и никто этого не видел. Так и стояли в церкви потом рядком — три гроба...

А дядя мой был двадцать пять лет кладбищенским священником — настоятелем церкви и жил у самых кладбищенских ворот. Приезжал я к нему в отпуск молодым еще офицером и все спрашивал, так же, как и вы: — Скажи, дядя, неужели ты никогда не видел привидений? Ведь, столько лет ты имеешь дело с загробным миром!

— Нет, — отвечал старик, — никогда. Разбойники два раза на мой дом нападали, а что касается того, другого, то нет... не было. Те — спят спокойно... Впрочем, раз шел я по кладбищу ночью, зимой. Лунный свет... Ветер теплый с моря задул, и голые ветки качаются. Только что снег выпал обильными хлопьями, засыпал дорожки и осел мягким пухом на крестах и оградах.

Пробило одиннадцать вдали на церковной башне и опять тихо стало. Слышу только, как снег под моими ногами скрипит да где-то далеко в городе собаки лают. Вдруг... попятился я в страхе: пот холодный на спине проступил, ноги свинцом налились. Над могилой только что похороненного купца Петрова — белый призрак — мертвец поднялся, руки раскрыл и движется...

— С нами крестная сила!

Повернул я и побежал, в снегу утопая и в рясе путаясь.

Отбежал немного и думаю:

— Как можешь ты — священник, бояться призрака — души человеческой? Хотя бы и «оттуда» она явилась!

Перекрестился я и пошел назад; шепчу молитвы...

Ну и что же оказалось? На высоком кресте мокрый снег так хлопьями осел, ну, совсем человеческая фигура в саване, с раскрытыми объятиями. А деревья качаются, тени двигаются, ну и показалось. Бог знает что...

Вот только и рассказал мне дядя этот случай, на флоте у нас старые боцманы много чего рассказывали молодым матросам, после спуска флага, на юте у фитиля.

Молодежь слушает, рот разиня, верит...

А те, краснобаи, с луженными ромом глотками, прошедшие огонь да воду — любят похвастать и порисоваться. Все, мол сами, собственными глазами видели и «летучего голландца» и морскую змею — китайского дракона. «Сам видел, — скажет, — ей-Богу...» Еще перекрестится.

У моряков много суеверия, много обычаев и страхов. Но, ведь, море — полно тайн и загадок и шутки с ним плохи. Старые морские волки знают это.

Было дело в Желтом море. Прошли мы Формозу и попали в тайфун. Вихрь волны рвет. Море пеной, словно снегом, покрылось, как в метели. Волны через борт перекатывают, мачты скрипят и трещат, крен такой, что вот-вот положит. Но, крепка была наша посудина: летит в пучину, зароется в пену и выберется на девятый вал. Страшно и как-то радостно ощущать ураган...

Ночью стало совсем жутко. Аврал сменялся авралом, дудки боцманов заливаются, офицеры охрипли от команд, а их и не слышно.

Командир не сходит с мостика, вцепился в поручни, расставив ноги. Мокрый, без фуражки — как утопленник. Брызги не только до мостика — до клотика хватают.

К утру не досчитали мы одного матроса — Анисимова. Как его смыло — никто не видел. Скромный был, работящий, совсем еще молодой, с Волги, из-под Ярославля.

Ну, погоревали и забывать начали: холодные дни, авралы, учения, ночные вахты — сами знаете — не легкая служба... Недаром ночную вахту — «собакой» зовут, а на вопрос: кому на флоте жить хорошо — отвечают: «Попу, коту и доктору...»

Целый день, как угорелые, от побудки — до вечерней зари.

Вдруг на юте стали поговаривать: видели, мол, Анисимова... Идет, бледный, быстро-быстро, ногами не двигает, словно плывет, дойдет до трапа и исчезнет, словно растает.

Стали вахтенные по ночам кучкой жаться... Непорядок пошел. Вахтенный начальник заметил, командиру донес.

Расследовал, расспросил тех, кто видел Анисимова.

— Видели, мол, — божатся, клянутся...

Приказал командир панихиду отслужить. Попик у нас был простой человек, из монахов — мужичек. Молодые мичманята любили его, но подшучивали над его слабостями. Батюшка любил вишневую наливку и сладости. Раз мичманята подали ему на сладкое медузу, смешанную с малиновым вареньем.

Попик хватил целую ложку и — глаза на лоб. Только через пять минут и мог сказать одно слово: — подлецы!

А другой раз угостили через меру наливкой... обидели, конечно, старика..., хулиганы!

Но служил батя хорошо: просто и задушевно, не мудрствуя лукаво; божественные слова до сердца доходили.

Панихиду по рабе Божьем Михаиле служила... Спускался тихий вечер, море было, как зеркало, солнце подходило к горизонту.

Матросы удивительно пели вдали от родины, над чужими волнами. Великое совершалось таинство — просьба о вечном покое...

Ну, и успокоилось все. Никто больше не видел Анисимова...

Молчание воцарилось в гостиной...

— Скажите, а вы были на войне? — спросил безусый кадетик.

— Цусиму испытал и во-век не забуду. Вы, вот, все спрашивали о чуде, а под Цусимой и было чудо — чудо русского духа.

За тысячи верст шли для того, чтобы испить чашу до дна, — пострадать за родину. Так думали все — от матроса до адмирала, так думал и я, старый штурман. Гибли наши корабли, объятые дымом, огнем, растерзываемые непрерывными взрывами. «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино», все уходили под воду с неопущенным андреевским флагом. Уцелевшая команда кричала — ура...

А на палубах — лужи крови, разбрызганный мозг, убитые и еще живые — неописуемый ужас!..

Вот, молодой мичманенок, глаз у него выбит и на ниточке висит... Осколок вошел в голову, а он что-то кричит про прицел и целик..., а тут же комендор одной рукой — другая перебита, продолжает посылать последние снаряды.

А балтийские наши утюги — «Адмирал Ушаков» и «Сысой Великий» из своих короткоствольных двенадцатидюймовых даже доплюнуть до японцев не могли, а команды сдаваться не хотели и кричали — ура!.. Может гордиться Россиюшка своими детьми!

Опять вспыхнули угли в камине и опять осветили поникшую седую голову и штурманский эполет.

— Да, был и я когда-то молод и весел, как вы... Теперь, в мои годы, веселье не бывает беззаботным, а грусть безграничной. Старость примиряет с законами жизни и иначе воспринимает ощущения внешнего мира.

Старость — ближе к земле, ближе к природе, а ведь природа не знает ни горя, ни радости: она холодна и безразлична, как море, как океанские волны, которые веками, десятками, сотнями веков мерно и монотонно разбиваются о те же прибрежные утесы...

Дверь внезапно распахнулась, сноп яркого света хлынул из зала. Елка, украшенная, сверкающая, залитая огнями, знаменующая победу вечной жизни, ослепила привыкшие к полумраку глаза. Загремел штраусовский вальс, и молодежь мгновенно упорхнула в зал. Старый штурман остался в одиночестве у камина со своими думами. Виктор Ларионов

Ответные телеграммы генералу ВЛАСОВУ

От имперского министра, Рейхсфюрера SS ГИММЛЕРА

Вместе с благодарностью за Вашу любезную телеграмму шлю свои наилучшие пожелания как Вам лично, так и основанному и руководимому Вами Освободительному Движению Народов России. Радуюсь, что 1944 год осуществил наш личный тесный контакт и объединение наших стремлений. Я убежден, что нашим совместным стремлениям будет суждено осуществить освобождение народов, угнетенных большевизмом.

С совершенным почтением

Ваш Г. ГИММЛЕР

От государственного министра К. Г. ФРАНКА

Сердечно благодарю за Ваши хорошие пожелания к Новому Году. В свою очередь, желаю Вам в эти наступающие решающие месяцы полного успеха в Вашей работе на благо Вашего отечества и Европы.

Ваш ФРАНК

Продвижение на западе продолжается

В декабре уничтожено 1379 самолетов противника

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Согласно последним сообщениям Германского Верховного Командования, в Бельгии между Ставело и Марш противник перешел в большое наступление, имеющее целью облегчение положения неприятельских войск, ведущих тяжелые бои у Бастони, где германские войска принудили противника к обороне и нанесли ему большие потери. Уничтожено 84 танка.

На Саарском фронте и в Лотарингии продолжалось продвижение германских войск вперед. Расширен плацдарм северо-западнее Форбаха, очищена пограничная местность к северо-востоку от Саргемюнде. По обе стороны Бича германские войска продолжали наступление. Несмотря на контратаки неприятельских частей, переброшенных с других участков фронта, противнику не удалось остановить германских войск восточнее Саргемюнде и в нижних Вогезах. Пограничная область западнее Вейсенбурга очищена от противника.

В течение зимнего сражения на западе противник потерял свыше 400 орудий, 1 230 танков и бронемашин и свыше 24 000 человек пленными. Кровавые потери врага превышают 50 000 человек.

Лондон, Льеж и Антверпен подвергались огню дальнего действия.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ

В средней Италии 8-ая британская армия вела многочисленные сковывающие атаки в Романье и перешла в большое наступление северо-западнее Равенны. Завязались тяжелые бои на одном из участков германского расположения.

БАЛКАНЫ И ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

В районе Вировитиц в Словении хорваты и казаки нанесли большие потери крупным бандам противника и захватили большое количество оружия.

В Венгрии днем и ночью продолжаются атаки Будапешта советскими войсками. Эти атаки, особенно сильные с востока, были отражены гарнизоном. Штурмовая авиация вывела из строя 34 неприятельских танка и уничтожила свыше 500 грузовиков и повозок. Германскими и венгерскими истребителями сбито 32 советских самолетов.

В южной пограничной области Словакии советские войска напрасно пытались прорвать германский фронт. На остальном восточном фронте продолжается затишье.

ВОЗДУШНАЯ ВОЙНА

Террористические налеты неприятельской авиации были направлены против Нюрнберга и ряда городов западной и юго-западной Германии и области Рейна и Майна, особенно против города Фульда. Налету скоростных самолетов подвергся Берлин. Сбито 22 неприятельских самолета.

В декабре англо-американская авиация потеряла на западе и над Германией 1 379 самолетов, из них 410 четырехмоторных.

НА МОРЯХ

В декабре германским военно-морским флотом потоплено 163 000 брт. неприятельского тоннажа и 16 истребителей и конвойных судов.

По сообщению «Эребревска Дагбладет», Швеция потеряла с начала войны 244 судна водоизмещением в 911 000 брт., причем погибло 1 308 человек.

Прием журналистов

(Когда окончится война?)

Шеф германской печати д-р Дитрих принял по случаю наступления нового года работающих в Берлине представителей иностранной печати. В беседе с ними он затронул ряд актуальных вопросов. Между прочим, д-р Дитрих напомнил, что генерал Эйзенгауэр на конференции печати в главной квартире союзников, состоявшейся 31 декабря 1943 г., заявил: «Мы выиграем европейскую войну в 1944 году». 1-го января 1944 г. пари об окончании войны заключили генералы Паттон и Монтгомери. Паттон утверждал, что война будет выиграна союзниками 31 октября 1944 г., а по мнению Монтгомери, она должна окончиться разгромом Германии не позже конца 1944 года.

Теперь, констатировал д-р Дитрих, окончился 1944 год. И Паттон, и Монтгомери, и Эйзенгауэр проиграли свои пари. Германия не подверглась разгрому, и англо-американские генералы не находятся в Берлине.

«До тех пор, пока вращается земля, — сказал д-р Дитрих, — колесо социального прогресса не может остановиться, и до тех пор, пока оно будет задерживаться плутократическими правительствами и большевистскими властителями, у людей не будет порядка и не будет мира. Это — единственный критерий, определяющий длительность войны и решающий момент наступления мира».

Польские дела

По сообщению люблинской радиостанции, польский «национальный совет» 31 декабря высказался за преобразование люблинского комитета во временное польское правительство. Во главе его будет стоять Моравский, который будет руководить также министерством иностранных дел.

К этому «ТАСС» дополнительно сообщает, что в Люблин прибыл дипломатический представитель де Голля, Куве. Одновременно в Париж прибыл представитель люблинского правительства, Пендржиковский.

Таким образом, польское эмигрантское правительство в Лондоне окончательно выключено Москвой из игры. Польские эмигранты называют люблинский акт «незакономерным действием и покушением на суверенные права польской нации».

•

«Военный министр» люблинского временного правительства дал разъяснения относительно организации советско-польской армии. Между прочим, он отметил, что советско-польскими частями руководят в большинстве советские офицеры, так как польских нехватает. Это объясняется тем, что 15 000 польских офицеров находится в плену, а 11 000 офицеров расстреляны в Катыни.

В свое время польское эмигрантское правительство дало понять, что оно не придает никакого значения утверждениям большевиков, будто бы польские офицеры расстреляны германскими властями, и потребовало беспристрастного расследования этого массового убийства, что было большевиками отклонено. После этого советское правительство прервало всякие сношения с польскими эмигрантами в Лондоне.

•

В связи с провозглашением люблинского комитета польским временным правительством польские эмигранты в Лондоне огласили декларацию, в которой резко критикуют порядки в советской части Польши и называют провозглашение люблинского правительства незаконным деянием. В декларации говорится, что управление в советской Польше находится в руках так называемой польской рабочей партии, которая раньше никогда не играла ни малейшей роли в политической жизни Польши. Эта партия была образована Коминтерном зимой 1941—42 г.г. вместо польской коммунистической партии, распущенной тем же Коминтерном в 1937 году. Люблинский комитет отменил все демократические свободы и ввел полицейскую систему управления по принципу, «чуждому всем традициям Польши и западной Европы». В находящихся под управлением комитета областях происходят постоянные волнения и царит экономический и административный хаос, свидетельствующий о неспособности комитета и об отсутствии всякого доверия к нему со стороны общественности.

Люблинское правительство в ответ на эту декларацию решило лишить руководящих деятелей среди польских эмигрантов — президента Рачкевича, бывшего министра-президента Миколайчика и теперешнего министра-президента Арцишевского — прав польского гражданства.

Ответственный редактор генерал-лейтенант Г. Н. ЖИЛЕНКОВ

Заместитель ответственного редактора А. КАЗАНЦЕВ

Wolja Naroda Verlag GmbH., Berlin C 2, Magazinstr. 15/16. Hauptschriftleiter: Generalleutnant Georgij Schilenkow. Stellvertreter des Hauptschriftleiters: A. Kasanzew. Druck: Wendt & Matthes G. m. b. H., Berlin C 2. Zur Zeit Anzeigenpreisliste Nr. 8 v. 26. August 1941 gültig. RPK 1/1000.

Р. Русланов

ТАНЕ

Я тебя позабыть едва ли
Среди Галок, Наташенек, Варь.
Расставанье на Курском вокзале,
Леденящий московский январь.

Сколько дум на походах, в окопе,
Сколько боли — нельзя рассказать;
А затем — мага по Европе,
Злые мысли опять и опять.

Синеглазая, славная Таня,
С русой челкой под теплым платком,
Я к тебе через годы скитаний
Пробираюсь с походным мешком.

Может, ты где-то здесь недалеко
В лагерях медицинской сестрой;
Отзовись — это слишком жестоко
Без улыбки выравнивать строй.

Если-ж там — под Москвой, на Урале,
Все равно, нашей правде поверь.
Ты узнаешь, за что умирали,
Для чего на чужбине теперь.

Не страшит нас война, бездорожье,
Липкий пот в госпитальном бреду;
Но в конце, может, милостью Божьей
Снова дом и родную найду.

Наша хроника

Представители генерала Власова: полковник Кромиади, капитан Каштанов и поручик Мельников присутствовали и выступали на собраниях представителей народов России, организованных в городах Верхней Силезии.

•

В городе Каттовицы состоялось собрание, посвященное ознакомлению с Манифестом Комитета Освобождения Народов России. Собрание открыл инженер Попов, отметивший, что организация Комитета является историческим актом огромной важности. После инж. Попова выступали: проф. Захаров, д-р Сапожков и инженеры Коликов, Чумаков, Стасенко, Молчанов и Курбашин. Все выступающие выразили самую искреннюю радость по поводу организации Комитета и желание всеми силами и средствами немедленно помочь Комитету в его деятельности и борьбе. Для связи с Комитетом собрание избрало инженеров Попова и Гудкова.

•

В Вене, по инициативе г-на Бирюкова, собрано среди его друзей 20 000 марок для нужд Комитета Освобождения Народов России (для «Народной Помощи»).

•

На собрании в городе Сосновицы представитель украинцев г-н Чепакин подчеркнул в своей речи, что в данный момент не может быть места спорам между народами России. «Сейчас мы имеем центр, который связывает нас всех. Этот центр — Комитет Освобождения Народов России. Не нужно разговоров про некоторые мелочи, которыми интересуются только отдельные личности. Суть наша едина — борьба единым фронтом с большевизмом. Все — против большевизма! С Власовым — за Украину!»

Георгий Нельдин

Песня

Ах, я не увижу, ах, я не услышу
Оклавший этот неровный говорок.
Листья облетели, снег уже на крышу,
На дорожки сада этой ночью лег.

Сразу стало тихо. Воробьи умолкли.
По каналам встала ледяная гладь.
Нет, я не увижу темнорусой челки,
Темнорусой челки мне не целовать.

Елку украшают в домике немецком.
Да, ведь послезавтра будет Рождество!
Где твоя улыбка, голос полудетский?
Ночью мне не спится. Знаешь, отчего?

Севером пахнуло. Облака седые
Спрятали надолго синий цвет небес.
И теперь все чаще снится мне Россия,
Бег скрипучих санок за дремучий лес.

Рисунки в центре художников Смирнова & Николая Н.